

18+

Сергей Пилипенко

Рассказ Эльдорадо

Сергей Пилипенко
Рассказ Эльдорадо

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Пилипенко С. В.

Рассказ Эльдорадо / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2010

Книга отправит читателя в совсем небольшое путешествие к неведомым берегам земли Эльдорадо. Это история человека, волею судьбы оставшегося в живых и избежавшего чудом самой злой участи природы Земли. История этого приключения познакомит со многими странностями далекого уголка планеты и еще раз укажет на то, какими опрометчивыми могут стать жизненные шаги людей, если их личной целью становится лишь жажда скорого обогащения на основе потери самого простого человеческого достоинства.

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Пролог	9
Глава 1. Корабль нибелунгов	10
Глава 2. Берег	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

От автора

Золото Эльдорадо. В самых простых умах это понятие отложилось, как не постигнутая доселе страна чудес и сказочных богатств. Ее многие искали, к богатствам стремились, но нашли ли на самом деле?

Или все же она так и осталась страной неизведанной, просто придуманной кем-то, как некая мечта, устремленная в небытие человеческим умом?

Наверное, скорее всего, последнее, ибо не находится на планете того участка земли, где мир мог бы стать раем в одночасье, озаренный блеском богатств и их сказочного волшебства.

Сюжет по-своему увлекает за собой читателя, начиная с первого дня странствий самих героев. Вместе с ними можно будет окунуться во все стремительно разворачивающиеся события по прибытию на остров сокровищ и так же внимательно следить за всеми изменениями, происходящими в той части планеты.

А они столь невероятны, что подобным может показаться на сегодняшний день только наиболее фантастический рассказ.

Природа Земли такова, что содержит в себе очень многие разночтливые понятия сложности. И в этом ее секрет, раскрыть который предстоит в будущем.

В общем, история приключений верна своему жанру, являясь фактором пытливого интереса любого читателя ко всему загадочному, непонятному и навевающему страх, в какой-то мере нужный человеку для решения его же проблем, связанных с повседневной жизнью.

Новые нибелунги уже загадывают бороздить космос. Но пусть вначале разберутся на Земле и выяснят до конца, какова настоящая цена драгоценностей, и какую силу они могут внести в саму земную среду.

Все сакральные мечты самого времени разбиваются о призму дня, и в злой рок насущности чей-то судьбы вносится очередное проклятие, дабы основательно закрепить то, что, казалось бы, давно стало единственным и абсолютным выражением нашей эпохи.

В глубине познаний кроется тайна. За ней же скрывается истина. Мы приближаемся к ней понемногу и уже стоим на пороге образования всецело добытого искренне земного человеческого разума.

Мы определенно знаем это, и мы же должны непременно достичь его, как результат одноименного сложения всех величин на сей момент существующих жизней.

Несколько ниже, опускаясь по тексту, Вы побываете в прошлом, находясь в настоящем. Но, кто знает или может знать достоверно точно, что оно не окажется самым настоящим и реальным будущим.

Эта тайна вскоре будет разгадана, а человечеству дан урок по существу прилагаемой ему жизненной памяти.

Сему рассуждению есть подтверждение, как и всякому естественному началу, что первоначально берет откуда-то саму нашу жизнь.

Исцеляйте сердца от забвения времени и руководствуйтесь порывом души в минуту отчаяния или просто воспользуйтесь мыслью, работающей, как всегда, только наперед.

Предисловие

Я не избочаю Бога и не настаиваю на определении его вероятного присутствия, но ссылка на него все же имеет место, как всякое олицетворение степени более разумного существа.

Сверхъестество еще никогда не приносило нам пользу и только благодаря тому, что мы его понимаем по своему или не хотим понять совсем в силу своей уверенности, что Бог не даст чему-то свершиться на нашей Земле и не доведет нас до крайности.

Но такие мысли, по меньшей мере, наивны, а по большей – просто глупы. Бог не жесток, не одинок и не обидчив. По крайней мере, он это давал нам понять несколько раз и, причем каждому по отдельности. Но, к сожалению, Бог не способен на большое спасение, ибо его одного недостаточно.

Нас так много, что ему просто не под силу взять и одновременно всех уберечь. Поэтому, подумать обо всем мы все-таки должны сами, ибо нас, опять же, много и из многого же сами и состоим, что способствовало бы этой же помощи.

Судьба каждого – это понятие относительное. И этот рассказ поможет понять, что такое, вообще, судьба и, собственно, почему она так называется в каком-то жизненном выражении.

Законы сверхъестества очень жестоки по отношению к роду земному, но не только они хранят в себе зло и заключают силу всякого мрака дня. Есть сила и нашего злоучастия во всем том, что именуемо – сверх.

Надо бы понять это и, как сказал бы, сам Бог:

– Всяк в себе усмотреть то, и благоразумию общему, и своему подчиниться. Тогда силь какая не станет больше вами верховодить, а вы же сами ею себя и спасать будете.

Вот такие его слова. Но, к великому сожалению, они пока понимаются не дословно, а, порой, и вовсе не воспринимаются, ибо скажи кому об том, то он просто посмеется, ибо считает, что не может человек Бога своего слышать или видеть. Потому, как думает, что Бог дан только чудеса творить, да еще больных исцелять и всякого добра прибавлять.

Только вот напрасно так думают многие. И Бог еще скажет свое слово, возможно, во время другое. И уж тогда оно будет принято повсеместно, ибо то слово станет оплаченным человеческой жизнью, потому как не слушались слова другие и не желали быть признанными среди огромного множества им схожих.

Но, в том и велика беда людская, что не могут многие распознать его и думают, что только наружное действие какое или особое горделивое выпячивание в этом поможет.

Нет, люди. Такого больше не будет и не потому, что кто-то не желает этого или сам Бог того не хотел бы.

Не хотят того все, только пока не понимают сами и объяснить не могут. Только внутренне и через беду всякую, сугубо личную все доходит, а в счастье одиночном и благом устрое то все недопонимается.

Но речь не идет о взыскании какого-то горя дополнительного для всех и каждого по отдельности.

Этого-то хватает. Разговор лишь о том, что люди ждут какого-то чуда необыкновенного и никак не хотят понять, что чудо то они сами сотворить должны, ибо еще ни одно чудо не творилось без участи какой людской.

Любое сотворение делами душ людских и их рук, приложенных к тому же, воспроизводится. А если этого нет, то и того также нет.

Ибо не может один биться головою о стену, пытаясь что-то совершить, ибо другие того не желают в душе своей искренне, ибо не поняли они еще многое и доискиваются везде силы той, в чудесах возрастающей, среди людю разного и прочего, пытающегося показать себя во

благо самому себе же, если не в смысле подъема уровня материального, то в плане показного духовного приспособленчества в силу возрастного ценза времени и в связи с создающимися условиями для такого же воспроизведения.

Что толку считать кого-то святым, если от его святости нет никакого проку, и какие бы знаки вы на себя не одели, этим не уподобишься силе сверхъестества, ибо для этого надо возрасти умом и приложить силу своего труда самостоятельного, а не чьего-то и под чьим-то руководством.

Вот и все ответы на раздающиеся то там, то там голоса времени и народа.

Здесь нет предсказаний и нет псевдоутопических нравоучений. Это просто рассказ. Своеобразный сдвиг с места в своей пустоцветной душе каждого, ибо для того, чтобы она хоть раз зацвела и дала плоды, нужен любой сдвиг, или движение в сторону умопостижимости, что и является ростом души каждого.

И не нужно совмещать это с иерархическим материальным возрастанием путем синдроменальной участи других.

Наш ум только разуму подвластен. А разум исключает всякую хитросплетенческую суть.

Восстав единожды в своей душе, вы приближаетесь к уму, что, соответственно, двигает вас к разуму, способному устоять в сверхъестестве применения и способному победить всякую генетически выраженную суть человека-естества.

Только этот путь решает будущее сотворение и только восставая в душе, можно определить то самое зарождающееся во времени чудо сверх, происходящее ото всех одновременно в одном образном порыве и стремлении получить хоть каплю здравого ума.

Только жизнь способна подтвердить всякую суть сказанного.

Но сказанное в самой жизни не всегда и не во всем может быть подтверждено, ибо во времени переисполнимо всеми и может, в итоге, выразаться по-другому. Это и есть сила, и это, своего рода, также сверхъестество. И если понять одно, то поймется тут же и другое.

Бог сказал однажды:

– Если какая-либо сила вас угнетает, то с нею нужно сравняться, чтобы поравнять устои и не сотворить дополнительного вреда кому бы то ни было. И если в таком участвует сила ума, то значит, ее и нужно сравнивать, ибо все другое будет беспомощно.

А еще, он же велел так:

– Кто за силой какую погонится самостоятельно и забудет про другого, сильно либо слабо отстающего, то и сам же в ней и поглотится, ибо всякая сила одним человеком не удержима будет, ибо угнетает она его и частью ниспровергает в бездну какую, в силу слабостей любых людских, человеческих. Потому, возрастать совместно требуется и поддерживать одному другого, ибо только так в силе общей возрасти можно и хоть в чем-то сравниться для общего блага всего и вся на Земле вашей.

Вот по такому принципу пути развития общего и нужно двигаться.

Потому, пишется все для этого же и потому хоть мало, но все же веление это исполняется во времени.

Но все же лучше продвигаться, нежели стоять на одном месте, ибо движение – это всегда жизнь, а всякое недвижимое – скороспелая смерть в любом образе этого понятия.

И в заключение, хотелось бы сказать еще вот что.

Никогда не нужно что-то предрасполагаемо приближать и основательно опускать в свою одурманенную подобным материалом голову.

Нужно всегда ожидать предполагаемое и всегда быть готовым к его отражению. Это и есть внутренняя духовная победа, и это и есть общий сдвиг в душе каждого.

Читайте, но не забывайте об этом. И какие бы картины пред вами не предстали – все же не бойтесь и особо не омрачайтесь, ибо это может помочь силе существующего сверхъестества.

Нужно уметь победить в себе силу подавления, и нужно уметь выстоять в себе самом силу внутреннего убеждения в том, что ничего такого не случится, если в огромной своей массе мы попытаемся устоять и возрасти внутренне до самых небольших размеров, если попытаемся понять суть сверхъестества и если усмотрим в нем же свое будущее отражение во времени.

Самое же главное можно сформулировать так.

Человек всегда способен помочь себе сам, если он действительно желает этого и если обусловлено приближает, а не домогается от другого, снижая свою собственную активность.

Всякое начало хорошо и особенно, когда речь идет о сдвиге в человеческой душе, жаждущей высвобождения и малейшего понятия происходящего.

Чтение и является, своего рода, некоторым высвобождением, ибо в книге вы не зависите ни от кого и ни от чего, лишь только фигурально касаясь основного развития сюжета произведения.

И, наконец, в чтении всегда каждый находит сам себя, что неизменно и дает предпочтение в силе своего умственного возрастания, ибо прочтенное – это уже несколько совмещенное непосредственно с вашим личным.

И оно же является частью другого, а значит, непосредственно общего и постороннего.

Поэтому, всякое прочтение – это есть нединамическое сближение между соискателями подобного или просто людьми.

И, как всякое сближение, оно дает условно возрастающий интеллект в духе описанного произведения, который в итоге и возлагает какую-то более-менее частицу величины познания окружающего, что неизменно совершенствует ум и приближает его к общему Разуму.

Пролог

Никто не знает, какова настоящая сила Земли. Ее успокоенное давно ядро практически не содержит той злой силы, что могла бы в один миг стереть нас с лица планеты и разбросать по сторонам нашей же вселенной.

Но, как бы там ни было, все же время от времени какая-то часть всего того выдворається наружу, и уже до нас самих доходят грозные отголоски стихии, если, конечно, не затрагивают напрямую, превращая города в ничто и жертвуя человеческими телами, как чем-то просто природным и вполне естественным.

В самой природе не бывает исключений. Практически, мы сами и есть само природное исключение, так как не вписываемся в ее черты и создаем время от времени массу проблем.

Но, тем не менее, она нас терпит, хотя временами действительно буйствует, нарушая наш покой и даже свой собственный.

В природе есть свои странности. То есть то, о чем мы попросту пока не знаем и не можем толком пояснить, даже будучи знакомыми с такой наукой, как физика. Есть также отдельные места выражения тех самых странностей и, по большому счету, они уже давно известны и облачены печатью злой славы.

В одном из таких мест Вы и побываете, продвинувшись чуть далее этих строк и окунувшись в материал, подготовленный специально для этого.

Сохранилось ли то самое место на Земле до сей поры – точно сказать трудно. Оно могло давно исчезнуть, как уходящие вглубь океана острова, а могло и дальше пребывать в том же месте, за исключением разве что небольшого изменения своих координат.

Как бы там ни было, но земля не стоит на месте и так же продвигается, как и сама планета, правда в гораздо меньше выраженном варианте.

Снискать нечто подобное уже сейчас было бы поистине своей очень хорошо. Это дало бы приток знаний и возможность реального исследования самой сейсмологии Земли и ее магнетического поля привязности.

Это же приблизило бы нас всех к разгадке самой большой тайны планеты, а именно к тому, что именуемо технологией большого взрыва. Так что, в конечном итоге, нам всем есть, что поискать и, наконец, добыть то самое золото, хранящееся в тех закромах, научно современным путем. И это несомненно окупит все те затраты, что были осуществлены в процессе самого поиска.

Практическим подтверждением существования всех тех описуемых странностей природы планеты являемся мы сами, так как подчинены закону магнетизма и поочередной смене его полюсов. Естественно, в меньшей степени, нежели виды животного происхождения, но не настолько, чтобы быть полностью зависимыми от природной среды.

Что ж, можно вполне позаимствовать именно это, отправившись на поиски земли Эльдорадо, вынуждая себя подчиниться силе среды и составить на время единое целое с самой природой своего земного происхождения.

Так что, в путь, великие мореплаватели, ибо путь тот действительно проходит именно по воде. И, конечно же, семь футов под килем, просто так, на удачу. Как говорится, с чем черт не шутит. А с такой силой, тем более...

Глава 1. Корабль нибелунгов

Была ночь. В трюме стояла кромешная тьма. Где-то впереди послышался сухой кашель старика, а еще через минуту, какой-то неистовый храп и чей-то ночной свист.

Все это слилось воедино, и минут десять не давало мне уснуть. На море стояла небольшая волна, и судно, то и дело покачивало со стороны в сторону.

Приподнявшись немного, я попытался встать, но больно стукнувшись о какую-то судовую переборку, опустился на место.

Шум немного поутих, а из дальнего угла уже доносилось только какое-то шипение, словно какая-то змея заползла в наш трюм.

Я положил голову на соломенный тюфяк и попытался вздремнуть. До рассвета оставалось совсем немного. Где-то впереди должна была показаться земля. Та, которую мы так давно не видели и ожидали, и от которой за время столь долгого морского путешествия совсем отвыкли.

Восемь с половиной месяцев мы находились в пути. Такого длительного путешествия я еще на себе не испытывал.

Меня укачивало, тошнило, но все же приходилось терпеть. Впереди была цель, и она частью была оправдана нашей сутолочной жизнью и процветанием морской болезни.

Кто не испытывал подобного – тому никогда не поверить. Это такое умопомрачительное состояние, когда небо кажется для тебя единственным местом, где бы ты мог спокойно отдохнуть и устранить хоть на время те поднимающиеся внутри чувства, которые позволяют вполне опрокинуть все наружу, если достаточно хорошо над этим не потрудиться и не оставить все внутри.

Я уже забыл, что такое рассвет и что такое вообще день. Жизнь смешала все воедино, оставив только понятие – темнота и ночь. Лампа наша давно уже погасла, и мы находились в полной темноте, порою, даже не ведая, что там творится снаружи.

Судно вели скрейперы – настоящие судоходцы. Мы же только как вспомогательная сила, в случае какого штормящего ветра или высокой волны.

Все основное время нам надлежало быть в трюме, дабы не попадать под руку шумливому капитану и его верным помощникам. Наверное, нас то и взяли только поэтому, да еще смотря на наш весьма убогий вид и жалко молящий способ утолять жажду в весьма неприятном напитке, способствующему нашему мирному поведению и доводящему нас до какого-то жалко-безвредного, паразитически гадкого существования. В сочетании с морской болезнью, это давало возможность нашего длительного умопомраченного содержания в трюме и своеобразность поведения команды в отдельных случаях какого-то внутреннего неповиновения.

Всего нас было семеро.

Я, одинокий старик, четыре молодых парня и еще один человек, примерно моего возраста, который почему-то все это длительное путешествие молчал и только скулил иногда, как какой-то загнанный пес, да еще свистел по ночам, мешая всем спать, хотя вряд ли это вообще можно было назвать сном.

Скорее полупьяная полудремота. Но эта вязкая мутноватая жидкость уже подходила к концу, и, наверное, капитану следовало бы позаботиться о чем-то ином, дабы совладать с нами в случае какой оказии.

Не могу сказать, что на судне я оказался совсем случайно. Скорее всего, это было предначинено мной самим. Я очень часто болтался в порту, посещая то одну, то другую таверну и довольствуясь каким-то жалким заработком, которого только и хватало на пропой, да еще какое-нибудь место в общем сарае, расположенном позади этого заведения, дабы сохранить некоторую его достоинство.

Сам я был не женат, детей не имел, да и кто пошел бы за меня такого незадачливого и не расположенного к чистоте и праведности. Поэтому, жизнь свою прозябал самостоятельно в массе таких же, как и я, горе-истцов своей собственной судьбы.

Не могу сказать, что я был не образован. Нет. Кое-чему еще в детстве меня обучили.

Я умел читать, писать, да еще прибавлять кое-какие цифры, что неизменно возводило меня в ранг особого человека, одаренного такой умственной способностью.

Это же спасало меня от многих бед, постигаемых другими, так как я не поддавался бравому расчету хозяина таверны и в любом состоянии считал свои неумные расходы.

Это-то меня и спасало, и давало возможность держаться на плыву время от времени.

Бывали, конечно, и просчеты, но относительно мало, и кое-как я продолжал свое жалкое существование.

Была возможность устроиться получше, но как-то я сам не захотел этого, усмотрев в своей обязывающей работе какую-то затаенную злобу дня и осквернение моего личного чувства свободы.

Так вот и прожил я свои тридцать шесть лет, и за это время мало о чем пожалел, так как не видел подходящего мне смысла существования и постоянно утопал в собственной обустроенной грязи, что неизменно накладывало свой отпечаток на мою внешность, и заставляло порой страдать от невысказанности своих внутренних убеждений внешним образом своего вида.

В поисках очередной работы я и попал на это судно, где капитан желал видеть в нас именно то, что мы собой и представляли внешне и не особо пытался видеть просто людей, испытывающих хоть какие-то чувства и имеющих свои убеждения.

Говоря проще и снисходительнее к самим себе, он желал видеть в нас просто свиней, которых в любую трудную в жизни минуту, можно опустить за борт или выбросить где-то на острове, что в любом случае, на него лично не окажет какого-то должного воздействия и тем более, не приведет к какому-то угрызнению совести.

Судно в очередной раз качнуло, и у меня внутри снова что-то заклокотало.

На этот раз вроде бы обошлось, и я опять погрузился в свои раздумья, которые неизменно преследовали меня в часы утреннего времени и благодаря которым же я неизменно знал, что наступает очередной день моей, никому не нужной жизни.

Подсчитав в уме, какой сегодня день, я пришел к выводу, что основательно перегрузился этой качкой, и пора бы уже пристать хоть к какому-то берегу, дабы провести там хоть один день и успокоить на время свое чрево.

Я в душе помолился и думаю, это помогло, так как вскоре я услышал, как сверху донеслось такое родное и знакомое, что мне непременно захотелось подняться и крикнуть то же.

Но, стукнувшись опять о переборку и на секунду подавив этим желание, я снова улегся и принялся ожидать дальнейшего развития событий.

Судя по всему, земля была еще далеко, так как снаружи то и дело слышались обрывки разговоров между капитаном и его командой, число которой доходило до восьми, и которой не было нужды прозябать, как нам здесь – внизу.

Все они располагались на палубе. Точнее, на специально обустроенной судовой ее части, где могли и отдохнуть, и приготовить себе какую еду, в которой нам было отказано.

Довольствовались же мы лишь какой-то солониной, да еще глотком давно пропавшего вина, от которого вздувались животы, и становилось тяжело дышать. В суточную дозу входила и очень маленькая часть хлеба, изготовленного из обычного ячменя, сухого, словно камень и позеленевшего от времени.

Но мы и этому были рады. За то время, что в пути, соленое превратилось в настоящую каторгу и порой обжигало все внутри до немогу.

Но, то ли вино, то ли та мутноватая грязнозеленая жидкость несколько снижало это состояние и давало возможность хоть как-то существовать.

Странное дело, но за то время, что мы на корабле, никто не умер и не заболел. В этом я усматривал какой-то таинственный смысл, как для себя самого, так и для остальных.

Но делиться с остальными все же не стал. Насколько я понял, они сами в этом не нуждались, и их жизнь была у них просто перед глазами, а не витала в облаках, облачаясь в какие-то условности времени.

По мере продвижения нашего судна, обрывки разговоров начали обретать смысл каких-то команд, и я понял, что земля вскоре примет нас в свое лоно.

Щель в трюме приоткрылась, и чей-то голос громогласно заявил:

– А, ну, пошевеливайтесь, сволочи. Земля на подходе. Живо выбирайтесь наружу. Есть работенка для вас, сучьи дети, – и тот же голос громко захохотал.

Трюм несколько ожил. Раздались голоса, а в полосе ярко образовавшегося света возникли фигуры жалких, изнеможденных временем пребывания внутри людей.

Все они поочередно потянулись к брошенной сверху веревке и так же, по одному их вытягивали наружу, ибо самим это уже было просто не под силу.

Дошла очередь и до меня. Правда, я несколько помедлил, а поэтому получил в свою сторону дополнительно несколько слов.

– Эй, умник, – отозвался тот же голос сверху, – давай быстрее, а то капитан не любит ждать. Того и гляди, не сдержится и выбросит за борт. А ты ведь плавать не умеешь, – и человек расхохотался.

Рассмеялись и те, кто был рядом с ним, зная о моем несовершенстве и о боязни морской соленой воды в таком огромном количестве.

Палуба встретила нас дружелюбно и сияющим солнечным золотым блеском. В эту минуту я еще не совсем осознавал всю справедливость подобного определения, но как потом время доказало – чувства и мысли нас самих вполне могут и опередить.

Взамен золотого блеска в своих собственных умозаключениях в тот момент я получил один подзатыльник и еще один хороший пинок в зад от самого капитана, который дополнил все предыдущее каким-то зловещим смыслом.

– Будешь умничать – выброшу рыбам на корм. Знаешь, как это происходит?

– Да, – угрюмо согласился я и побыстрее отошел в сторону к своим.

– Ну, так вот, – продолжил свою дикую мысль капитан, которого все почему-то звали Жозефом, хотя по сути имя его было другим, да и по роду он к этому не относился, – предупреждаю всех. Кто хоть раз меня слушается или посмеет подумать так, сразу отпущу по ветру. Как? Знаете сами. Поэтому слушайте и исполняйте. Кто заболит, попробует сбежать или совершит такую попытку – убью. Вам ясно?

Все поочередно кивнули, и я, в том числе. А, что нам еще оставалось делать в подобной ситуации.

– На ночь все будем собираться здесь, – продолжил капитан свою мысль, на этот раз обращаясь одновременно и к экипажу судна, – будем искать золото, начиная вон с того побережья, – и Жозеф указал рукой куда-то в сторону земли, – дальше будем продвигаться на юг, – и он снова махнул рукой, хотя вряд ли это имело какое-то значение для моих спутников, из которых только я, да старик кое-что соображали, – ты Эдмонтос, – обратился капитан к своему помощнику, – будешь находиться здесь. С тобой останется еще один из числа экипажа. Я же с остальными – на берегу. Смотри, возможно, будет прилив или отлив. Вовремя уведи корабль.

– Есть, капитан, – четко ответил ему тот, приложив руку к своему головному убору.

– И, последнее. Без моей команды на берегу ничего не предпринимать. Возьмите с собой оружие. Возможно, там кто и проживает. Во всяком случае, нужно уберечь себя от излишних неприятностей. Высаживаемся через полчаса. Даю время перекусить из того, что еще осталось и наполнить свои бурдюки вином, – это уже касалось непосредственно нас, так как сам экипаж судна его не употреблял, – и смотрите мне, не перепейтесь, а то отправлю по ветру. Мне нужны

рабочие, а не пьяная скотина. Все, давайте по своим местам и за работу, – это уже касалось экипажа, так как судно, почти вплотную подходило к берегу.

То раннее утро показалось мне тогда таким безучастливо спокойным, что захотелось вообще с ним никогда не расставаться и запечатлеть таким, какое оно есть, навсегда.

Но, поборов свою внутреннюю тягу к непосредственной жизни на небесах, я все же занялся, как и все, последними приготовлениями, и в первую очередь, подкрепить себя завтраком, хоть и скудным до омерзения, но все же не дающим потерять свою последнюю силу к жизни и возможно продвинуть ее до максимального предела.

Остальные занялись тем же, и вскоре палуба была осквернена чревоугодием со своеобразным чавканьем, из которого даже зверю стало бы понятно, что на судне люди употребляют что-то съедобное, пытаясь продлить свою собственную уготовленную жизнью участь.

Глава 2. Берег

Спустя некоторое время трапеза завершила пределы своего развития, и мы окончательно убедились, что судьба – это ни что иное, как некоторая благодарность за столь ущербное для нас существование, и что дается она не каждому и не одновременно испытывается на ком-то. Пройдя сквозь такое длительное путешествие по морю и преодолев довольно большое умственное противостояние, я вдруг обнаружил, что искал совсем не то, чего хотелось бы, и избегал именно того, с чем пришлось в своей жизни столкнуться.

И это было мое самое первое убеждение и одновременно – заблуждение в доискивании чего-то одноименно святого и умопомрачительно унизительного по части своего внешнего омерзения. И в ту минуту мне захотелось действительно уйти из этой жизни и прекратить все дальнейшие поиски в стране златогривых чудес. Но, то ли внешнее небезразличие, то ли блеск в моих глазах, привлекли внимание капитана, и тот, внимательно посмотрев мне в лицо, определил:

– Ты будешь старшим среди них, – что неизменно ударило по моему слаборазвитому самолюбию, и я мгновенно вырос в своих собственных глазах, ответив на это подобным образом общения.

– Есть, капитан, – и услужливо приложил руку к своей пустой голове, отчего все захохотали и показали на меня пальцами.

Это несколько снизило возросшее напряжение среди всех разобщенно общающихся и дало возможность некоторого внутреннего успокоения мне самому и моим мыслям, возросшим за последнее время до предела.

В ту же минуту этого общего расслабления мне пришла в голову одна-единственная мысль, что начинать искать нужно с другого места, и я незамедлительно решил оповестить об этом капитана, на что тот, решительно обернувшись, ответил.

– Кажется, умник, я не давал тебе права командовать мною лично, а всего лишь над этим безрогим скотом, – и он махнул своей рукой в сторону моих спутников.

– Извините, капитан, – поспешил я заглядывать свою вину, – кажется, я смешно выгляжу для того, чтобы давать вам советы. Простите, больше этого не повторится.

– Вот, вот, – как-то смягчился капитан от такой изысканной, неподобающей мне речи, – и я о том же. К тому же, твое основное дело – это просто копать, да присматривать за другими, чтобы не разбежались. Смотри мне в оба, иначе пушу по ветру, если что не так, – и он, повернувшись, занялся своим делом.

Я же, прикусив свой собственный язык, остался на месте и ожидал вместе с другими своей дальнейшей участи.

Берег полностью овладел нашим вниманием, и постепенно мы все увлеклись его осмотром. Мелкая вода не давала подойти судну более близко, а поэтому высаживаться пришлось прямо на воду и брести до берега своим ходом.

Мне было страшно. Вода хоть и доходила до пояса, все же таила в себе какую-то невидимую постоянную опасность.

Я это чувствовал и, то и дело, посматривал то по сторонам, то под воду. К счастью, в то раннее утро всем присутствующим здесь было явно не до нас, и мы благополучно достигли берега, не потеряв никого по дороге.

Позже, удивляясь неоднократно такому повороту событий, я непременно усматривал в этом тот же скрытый таинственный смысл, возведенный мною до откровенного идолопоклонничества в духе того времени.

Можно сказать, сама судьба распорядилась так, чтобы не отпугнуть нас самих от первоначально задуманного и не навлечь грозу ранее указанного ею времени.

Поэтому, преодолев последние метры этого водного простора, я с облегчением вздохнул и с некоторой надеждой на благоприятное возвращение домой, хотя его и не было в моем утонченном понимании, принялся осматривать близлежащую окрестность, дабы не налететь на то, чего сам не знаешь или пока не испытал на себе.

По какому-то странному совпадению, выбравшись на берег, я оказался совсем рядом с капитаном, который шел немного в стороне.

– Торопись, – как-то зло сказал он и посмотрел в мою сторону.

Я снова извинился и вежливо предложил ему место впереди, оставаясь позади и дожидаясь своих подчиненных.

Берег встречал нас суровым молчанием, и мне показалось вначале, что здесь и вовсе нет никого. Но вот, когда мы приблизились к самой первой, густосплетающейся в одно целое и неделимое растительности, природа вдруг ожила и одарила нас целой массой различных голосов.

Шум поднялся невообразимый. Какие-то зверьки то и дело шмыгали почти у нас под ногами, а по веткам деревьев и в густых зарослях прыгали животные, создавая своими движениями дополнительный шум с треском ломавшихся веток и отрывающихся больших листьев.

Капитан на минуту остановился и в недоумении повел головой в сторону. Мы встретились с ним взглядами. И в нем я уловил мимолетный страх за его собственную жизнь и мгновенное понимание всей опасности задуманного путешествия.

С секунду подержав этот взгляд на себе, я отвернул голову в сторону и посмотрел на своих спутников. Лица их вовсе не выражали какой-то уверенности, а наоборот, лишь дополняли растерянность капитана.

– Хорошо, – наконец, громко сказал он, обращаясь неизвестно к кому, и в ту же секунду, словно по какому-то уговору, вокруг стало тихо.

Даже листья перестали шевелиться и шуршать на небольшом ветру.

Жозеф снова в недоумении осмотрелся по сторонам, а через секунду продолжил:

– Вначале познакомимся, – и решительно шагнул навстречу новому и неизвестному.

Мы последовали за ним. Оказалось, что среди массы дикой растительности существуют и свои тропы.

Очевидно, по ним и передвигались животные, создавая тот, почти невероятный шум.

Природа снова отзывалась разноголосьем, но на этот раз оно отодвинулось дальше, вглубь побережья и в сторону от нас самих.

– Они уходят, – довольно произнес капитан и потер почему-то ладони.

Но, как оказалось позже, это было только своеобразное отступление дикого мира в своем недоумении и непонимании действий вдруг нарушивших их покой существ.

Мы с трудом продвигались среди густой раскладистой растительности и поочередно выходили вперед, меняясь местами, друг с другом, дабы дать передохнуть ведущему.

Наконец, густосплетения начали понемногу редеть, и мы с удивлением обнаружили, что один вид растений уступает другому. Одни оставались позади, а впереди, словно мгновенно рождались, были совершенно другие.

Такого мне никогда не приходилось видеть. Это были настоящие чудеса.

Мы остановились на время, чтобы передохнуть. Природа уже почти совсем расступилась, и перед нашим взором открылась полупустынная местность.

– Странно, – произнес капитан, осматривая территорию и поглядывая назад, – такого я не видел нигде. А мне пришлось много бродить по морям в поисках драгоценных камней. И везде, где я побывал, такого не встречалось.

– А вам не кажется подозрительным, – вдруг что-то осенило меня сверху, – что наступила какая-то глухота. Даже птицы и те перестали петь.

Все мгновенно вслушались в окружающее. Почему-то начала нарастать внутри тревога.

– Будем продвигаться вперед, – решительно сказал Жозеф, направляясь по тропинке вглубь побережья.

Нам ничего не оставалось делать, как последовать за ним. Но, не пройдя и двадцати ярдов, он неожиданно остановился.

Что-то заставило его это сделать. Я это точно видел, но не мог понять что.

Наконец, я понял, что это располагается где-то вверху, судя по голове капитана и ее напряжению в одном направлении.

Я поднял глаза кверху, стараясь голову держать в нормальном положении. То, что я там увидел, заставило меня невольно вздрогнуть.

В небе парил небольшой огненный шар. Он спокойно приближался к голове капитана, словно пытаясь водрузиться на нее сверху.

Мы остановились. Стояла тишина. Только небольшой треск и шипение издавал тот шар, опускаясь все ближе и ближе к человеку, стоявшему впереди нас всего лишь в нескольких шагах.

Все замерли. От напряжения у меня внутри словно что-то оборвалось, а волосы начали подниматься вверх, становясь густой щетиной.

Шар сблизился с головой несчастного капитана. Раздался сухой шелчок, и потом почти мгновенно тело капитана судорожно забилося, а спустя секунду, рухнуло на землю, издав при этом лишь небольшой гулкой стон.

Шар исчез. Его словно и не было вовсе. Капитан лежал на земле и не подавал никаких признаков жизни. Никто не решался к нему подойти.

Набравшись смелости, я решил проверить: жив ли он еще!

Подойдя к нему вплотную, я присел возле тела и осмотрел глазами. Никаких ярко выраженных признаков я не обнаружил и прикоснулся к нему рукой, дабы нащупать пульс и проверить задуманное.

Что-то слегка ущипнуло меня и на этом все закончилось.

Жозеф был мертв. Лицо его выражало благотворное спокойствие, глаза были открыты и как-то очень устало смотрели прямо на меня.

Мне стало не по себе. Я приподнялся и отошел в сторону к ближайшему дереву. Затем, немного прийдя в себя, сообщил о гибели капитана всем остальным, и мы собрали небольшой совет.

Команда потеряла своего командира и в растерянности не знала, что предпринять. И здесь неожиданно мне пришла в голову мысль, что надо взять дальнейшее руководство на себя.

Но согласится ли с этим команда?

Этого я не знал. Но все же предложил свою помощь, выразив это несколько двусмысленно.

– Я думаю, что нет нужды бежать за его помощником, тем более, что мы прошли уже немало и возвращаться назад безрезультатно просто нет смысла. Можно и самим осмотреть местность. Как вы считаете? – и я с любопытством посмотрел в сторону членов команды судна.

Те, молча, переглянулись и, видимо решив для себя то же, сделали согласный кивок в мою сторону.

– Тогда остается еще один неразрешенный вопрос, – сказал я еще более скромно, – надо избрать старшего. Кто-то ведь должен руководить вместо капитана здесь среди нас. Как считаете?

И снова команда погрузилась в мимолетное размышление, но спустя довольно короткое время пришла к единому мнению, и один из них выразил их общее решение.

– Ты будешь возглавлять нас всех здесь, на этой территории. На судне мы будем подчиняться своему командиру.

– Согласен, – кратко и гордо ответил я, понимая, что вся ответственность теперь ложится на меня и это дает некоторое право обретения власти над остальными, – только давайте вначале решим, что делать с телом капитана? Нельзя же его так оставлять. Нужно похоронить. Но где? И как избежать излишней болтовни на судне? Могут и не поверить. Еще подумают, что это мы убили его.

Команда и мои спутники, услышав такое, растерялись. И, действительно, было от чего. Никто кроме нас не видел этого, и тот же помощник может подумать, что все мы сговорились и, возможно, захотим убрать и его самого в дальнейшем.

Поэтому он мог и увести корабль отсюда, хотя это и рискованно.

Но любой моряк пожелает, что лучше умереть на судне, нежели остаться навеки в каком-то диком, неизведанном мире.

Посоветовавшись, решили пока ничего не сообщать помощнику и остаться на ночь здесь, на побережье.

Вопрос только заключался в том, что нечего было поесть. Среди изобилия растительности мы пока ничего съестного не обнаружили. Какие-либо животные также отсутствовали, стараясь держаться от нас подальше. Поэтому вопрос этот оставался самым острым на ту минуту.

Наконец, обговорив и это, мы решили послать на корабль двух членов команды за провиантом и заодно передать помощнику, что капитан изменил свое решение и решил обосноваться на берегу.

Два избранных незамедлительно отправились обратно. Мы же решили дожидаться их здесь, не уходя никуда.

Нужно было заняться выбором места погребения капитана.

Команда вначале не соглашалась на это, предпочтя ему другой вид дальнейшего существования согласно их традициям и уверованиям. Но спустя время небольшого дополнительного обсуждения, все же решили похоронить его здесь.

Просто не было другого выхода. Тогда я, как старший среди всех них, решил поискать место для этого и пошел еще дальше вперед, желая несколько углубить знания о местности, а заодно и решить вопрос с захоронением.

Все остальные расположились на отдых и принялись ожидать моего возвращения.

Насколько я понял, особо никто не желал более рисковать своей собственной жизнью, и это меня несколько омрачило.

Но делать нечего и пришлось исполнять задуманное.

Я прошел немного вперед, оставляя позади уже полужестывшее тело капитана, и углубился в какую-то дикую высокую растительность, которая издали казалась просто травой.

Пройдя немного и не обнаружив ничего подходящего, я решил повернуть обратно. Внезапно меня осенила еще одна мысль. Почему-то мне показалось, что за мной кто-то наблюдает.

Не знаю, как это произошло, но неожиданно резко обернувшись, я увидел позади себя какое-то невообразимое животное огромного размера с дикими красновато-розовыми глазами и длинной шерстью. Рост его казался мне огромным.

Оно опережало меня в этом где-то головы на три-четыре. Точнее сказать не могу, так как ноги неожиданно задрожали в коленях и, казалось, я вообще лишился дара речи.

Животное смотрело на меня в упор. Наверное, что-то во мне показалось ему знакомым и, судя по всему, оно пыталось что-то там себе вообразить или вспомнить.

Наконец, довольно растянув рот в своей ужесточающей обличья улыбки, оно протянуло мне свою огромную лапу, такую же лохматую, как и все остальное тело, давая понять, что настроено дружелюбно.

Не в силах оторвать свои ноги от земли и не в состоянии двигаться и шевелить руками, я лишь немного присел, едва-едва удерживаясь на ногах, и произнес что-то очень схожее с обыкновенным: "Угу, угу..."

Животному это понравилось, и оно сходу обволокло меня в свои лохматые объятия. От ужаса я думал, что помру на месте. Но, к счастью, этого не случилось и спустя время я оказался на земле совсем один и в некоторой растерянности от произошедшего.

Животное же куда-то исчезло, словно испарилось вовсе. Я протер глаза. Уж не показалось ли мне все это?

Но осмотрев местность и обнаружив на себе длинные волоски шерсти животного, я убедился, что все это не сон и не голодный обморок после длительного пребывания в трюме корабля.

Меня охватило сильное волнение, и пробил озноб, а затем судорога. Я посидел еще с полчаса, а затем, немного придя в себя, медленно встал и пошел обратно.

Сдзлав несколько шагов, я в опаске повернулся. За мной никого не было, и я быстро-быстро зашагал к своим.

Выйдя из этой высокой травы, я оказался почти рядом с телом капитана, которое так и продолжало лежать в ожидании чьих-то решений.

Я как-то облегченно вздохнул, и, прошагав мимо него, направился к оставшимся.

К величайшему моему изумлению, никого на месте из всей нашей группы мне обнаружить не удалось.

Только смятая в отдельных местах трава, да брошенные пару лопат свидетельствовали о пребывании здесь людей.

Я в суевверном ужасе осмотрелся по сторонам.

Никого не было видно. Нужно понять такое состояние, когда человек остается один на один с окружающей его природой, причем в неизвестной ему местности с ее представителями.

Волнение охватило все мое тело, и вновь пробежал озноб. Я не знал, что предпринять.

С одной стороны, мне хотелось бежать быстрее с этого места, а с другой, я не знал, что делать с мертвым капитаном и куда бежать вообще.

Наконец, немного успокоившись и приведя в порядок свои внутренние мысли, я все же отважился и решил похоронить тело прямо на тропе, дабы точно знать, где оно захоронено, а затем идти на поиски всех остальных.

Зачем я это делал тогда, я сейчас не знаю. Но, наверное, это было нужно или решено каким-то сверхъестеством, в которое я начинал верить все больше и больше.

С небольшим страхом в душе, я все же взял лопату и направился к телу покойного. Спустя минуту, уже ковырял землю и пытался не смотреть ни на него, ни по сторонам.

Через время яма была готова и я, пренебрегая своими ранними уверованиями, схватил тело капитана и, мигом опустив вниз, тут же быстро закопал, оставив на месте погребения лишь небольшой холм, который хорошо утрамбовал, дабы он не расползлся в стороны.

Пот лился с меня ручьем. Тело дрожало, колени подгибались и я думал, что вообще скоро свалюсь от такого перенапряжения внутренних чувств.

Но вот, немного передохнув и как-то успокоившись, я набрался некоторой смелости и уже более храбро начал смотреть на окружающий меня мир.

К тому моменту природа снова развязала свой язык. Уж не знаю, с чем то было связано, но наверняка не с тем, что со мною лично происходило. По крайней мере, мне так тогда все казалось.

Я осмотрелся по сторонам. Судя по всему, мои спутники разбежались кто, куда в разные направления. Очевидно, что-то их сильно напугало.

"Уж, не то ли животное, которое заключило меня в свои объятия?" – подумалось мне в ту минуту и при мысли об этом, меня снова бросило в жар.

Но потихоньку я начал справляться со своими чувствами и занимать более хладнокровную позицию.

Наверное, такое происходит с каждым, кто хоть раз в своей жизни побывал в подобной ситуации. Конечно, это слабо меня утешало, но все же как-то поддерживало и давало силу для дальнейших действий.

Постояв немного и, наконец, решившись пойти в одну сторону, я сделал шаг вперед. И снова, словно из-под земли, позади меня выросло огромное животное и схватило меня своей огромной лапой за плечо.

Я обомлел, да так и застыл на своем ходу. Повернувшись, увидел снова улыбающиеся черты его лица и протянутую ко мне руку. Но на этот раз в ней было что-то такое, от которого мне ослепило глаза.

Я машинально прикрыл их рукой и, немного отведя взгляд, снова посмотрел. Животное исчезло, а на месте глубоких следов, проделанных им, лежало то, что меня вначале ослепило.

Я поднял это и внимательно изучил. Уж, не знаю, как мне удалось в ту минуту сообразить, но я вдруг понял, что это и есть тот драгоценный камень, который искал погибший капитан.

Мне не приходилось ранее видеть подобное, но доводилось слышать в тех же тавернах о каких-то сказочных землях, где очень много такого камня, который дает людям богатство и, впоследствии, райскую жизнь.

Я недоуменно пожал плечами, пытаясь понять поведение этого неизвестного мне существа.

Зачем оно дало мне это? И как понимать настоящее его отсутствие, да и вообще, сближение со мной? Чего оно, собственно, хочет от меня? Может, я ему нужен зачем-то?

Эти вопросы как-то мигом выросли у меня в голове и заставили на некоторое время задуматься над моим, почти бедственным положением.

Я присел на траву и стал размышлять.

Что понадобилось здесь капитану? Золото? Да, очевидно, это. Конечно, он скрывал все от нас до самого последнего дня. Естественно, то же нужно и его команде, так как задаром никто бы не ходил по морю столь далеко.

Нас же взяли только потому, чтобы использовать как рабочую силу. А затем...? А, что затем? А затем, как говорят, концы в воду.

То есть, нас в воду, чтобы никто не знал и не догадался. Да? Но откуда об этом месте знал капитан? Значит, существующее поверье или болтовня вовсе не такие. Значит, кто-то знает об этом месте и видимо сообщил об этом капитану. Может, кто из команды?

Нет, вряд ли. Имело бы смысл так рисковать самому капитану. Значит, либо его кто-то нанял, либо он сам, разузнав об этом, отважился на такой далекий поход. Что ж, это более вероятно. Но, что делать теперь мне? Куда разбежались все остальные? Еще подумают на судне, что я не такой, как другие, и что это я расправился с командиром?

Да нет, вряд ли. Другие же видели, что это не так. Значит, скажут. И соответственно – я не виновен. Но поверит ли помощник во всю эту историю с огненным шаром, да и как доказать теперь свою невиновность, если его тело уже погребено мною же. Значит, места для меня на корабле может и не найтись, если обо мне не позаботятся другие. Нужно найти их и рассказать о случившемся со мною. А поверят ли они мне? А почему нет? Вот камень в руке, как доказательство всему, следы на земле также, да и сами они видели, наверное, животное, раз бросили все и убежали.

Но вот, что интересно. Если я покажу им камень, то они тут же спросят, где я его достал и прикажут вести на то место и будут искать. Как же они тогда поступят с животным, если оно вдруг покажется снова, думая, что и другие, как я? Может, захотят расправиться с ним, чтобы не мешало искать? Они ведь за этим сюда приехали. Да-а-а. Что-то не складно для меня

получается. Все как-то однобоко. Да и животное жалко. Оно ведь вроде дружелюбно настроено, даже камень вон принесло...

Не зная, что предпринять, я осмотрелся по сторонам, вглядываясь в темную чашу впереди. Что-то меня привлекло в той стороне.

Неожиданно передо мною выскочило какое-то животное и бросилось туда, куда я смотрел. Спустя короткое время оно исчезло из виду, оставив после себя лишь неглубокий след.

Не знаю почему, но я встал и пошел в ту сторону, по дороге стараясь примечать местность и несколько опасливо осматривать отдельные участки, где вполне мог спрятаться кто угодно.

Надо сказать, что лопату, как единственное мое оружие, я на всякий случай прихватил с собой и теперь, гордо возвышая ее над собой, продвигался все ближе и ближе к чаше.

Наконец, я пересек более-менее открытую местность и оказался один на один с окружающей меня со всех сторон чашей.

Страх слегка пробежал по моему телу, но вскоре я освоился и потихоньку начал продвигаться дальше, иногда помогая себе лопатой разгребать встречные заросли.

Вокруг стояла глубокая тишина. Как-то странно было это наблюдать. Стоило начать какое-то движение – и вмиг все замирало. Наоборот же – оживало снова.

Наверное, в этом был какой-то смысл, и я все время пытался понять, почему так происходит.

Пробравшись на какую-то менее заросшую местность и опустившись на колени, чтобы напиться воды из небольшого, протекающего рядом ручья, я вдруг почувствовал чье-то таинственное присутствие.

Холодный озноб вновь пробежал у меня по спине, и я весь напрягся в ожидании какого-то нападения.

Но ничего подобного не случилось. Поэтому, попив воды, поспешил убраться отсюда подальше и зашагал вперед.

Внезапно передо мною, шагах в пяти, вновь выросла фигура того животного. Я остановился в неведении.

Оно подошло ближе и снова протянуло руку. На этот раз в ней лежал камень побольше, и уже не сверкал, как предыдущий, а только поблескивал в жалких лучах, пробивающегося сквозь темень листьев солнца.

Я взял этот камень прямо у него из руки и, прижав его к сердцу, сказал:

– Спасибо. Угу, угу, – и закивал головой в знак своего согласия с его деятельностью.

– С-п-а-с-ь-и-б-о, – повторило негромко животное, при этом чудовищно открывая свой рот и шевеля в нем языком.

Камень мгновенно выпал у меня из руки, и я весь побледнел.

Уж, не знаю, чего я больше испугался: того, что животное заговорило человеческим голосом или того яростного выражения в мимике его лица при выговоре подобного.

На секунду мне даже показалось, что оно готовится меня съесть.

Животное, видимо не поняв такое мое стояние, подобрало камень из глубоких травяных зарослей и вручило мне снова, при этом повторив те же слова, что и я.

– С-п-а-с-и-б-о-о. Угу, угу.

Причем последнее выражение у него получилось значительно лучше, нежели первое.

Значит, решил я про себя, оно может разговаривать, если его обучить этому и показать. Но зачем оно постоянно сует мне эти камни?

Этого я не мог понять, а поэтому совсем по-человечески просто спросил, набравшись храбрости и при этом, пытаясь то же объяснить руками.

– Чего ты хочешь за это? – и я начал тыкать сначала пальцем в камень, а затем в возвышающуюся надо мной грудь животного.

Судя по всему, оно не поняло моего вопроса и только повторило предыдущие слова, при этом так же ужасно искривляя черты своего лица.

Тогда я взял и отдал камень животному, вложив его прямо ему в лапу, и отрицательно помотал головой.

Оно почему-то рассердилось и открыто выразило свое недовольство голосом совсем слабым и не сильно развитым, как то бывает у других. Потом сунуло мне его обратно и, обратившись ко мне спиной, начало уходить вглубь чащи.

– Эй, постой, – почти крикнул я, и бросился за ним следом, совсем не понимая, зачем это делаю.

Животное не обратило внимания на мой возглас и, лишь посмотрев, что я иду следом, продолжило свой путь.

Тогда до меня дошло, что оно хочет мне что-то показать, и я, еще пуще прежнего, устремился за ним следом, пытаясь по дороге не отставать и не отвлекаться.

Мы прошли очень длинный участок густой растительности. Затем пересекли ручей вброд и через некоторое время вышли на небольшое черное плато.

Солнце уже стояло над головой, и определить в какой стороне мы находимся было просто невозможно.

Я продолжал идти за животным. Оно пробиралось все дальше и дальше, оставляя позади себя глубокий след, иногда сдвигая камни, если они попадались ему под ноги.

– Может оно хочет меня съесть? – неожиданно всколыхнула мою душу возникшая в голове мысль, и от этого внутри стало муторно, голова закружилась, а ноги мгновенно ослабли.

Я остановился и сел на ближайший камень, в поиске своего дальнейшего решения.

Животное, видимо почувствовав, что я остановился, повернуло свою голову назад и также прекратило движение. Затем оно село, как и я, на камень и принялось ожидать меня, лишь иногда поглядывая куда-то вверх и с некоторым любопытством, возвращаясь взглядом ко мне. От того мне стало еще хуже.

– Точно, хочет отвести подальше и съесть, – пришла в голову мысль, – но, что мне сделать? Убежать? Но куда, да и вряд ли я смогу это сделать. Оно ведь в один миг меня догонит. Так что же тогда? Защищаться? – и я с беспокойством посмотрел на свою лопату, – Да-а-а, – тут же согласился я, – неподходящее оружие для такого великана. Максимум, чего я добьюсь, так это то, что получу мгновенную смерть в этой неравной схватке. И чего ему от меня надо ?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.